

18+

Мина Уэно

ПОВЕСТИ

Мина Уэно

Повести

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Уэно М.

Повести / М. Уэно — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-97770-9

Истории о людях, что встречаются. Истории о людях, что расстаются. В обманчивых декорациях смутно знакомых городов и событий пути судьбы неисповедимы, и иногда любовь оказывается не тем, что ищет сердце. А иногда сердце находит ее, само того не ведая.

ISBN 978-5-532-97770-9

© Уэно М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Патефон	5
Утро	5
Вечер	7
Вечер	9
Утро	11
Вечер	13
Вечер-утро	15
Дни	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мина Уэно

Повести

Патефон

Утро

Патефон играет, неспешно бороздя старой иглой дорожку пластинки, хранящей секреты всех своих предыдущих владельцев.

Сквозь громкое потрескивание, такое радостное сердцу, такое приятное слуху, доносится пение аккордеона – столь живо, что воображение тут же рисует меха, растягиваемые умелыми руками.

Песенка льется поверх старой, давно потерявшейся во времени, далекой мелодии. Но здесь, в ее мансарде, она не чувствует себя чужестранкой.

Ее аккомпанемент созвучен деревянным полам, на которых вытерся лак, дверям, с которых кусками отваливается краска, старенькому пузатому холодильнику, время от времени вздрагивающему и урчащему с мелким дребезжанием металлических ножек, низенькому серванту с резными узорами на потрескавшейся древесине и шкворчащей на чугунной сковороде яичнице.

Патефон выставлен на подоконник окна, выходящего прямоком в ее крошечный сад. Есть свои преимущества в жизни на крыше – все пространство перед окном можно засадить петуниями и розами, настурциями и мышиным луком.

Готовую яичницу Анна выкладывает на голубую глиняную тарелку. Та несовершенна, как и все в ее доме, как и сама хозяйка: на обведенном темной глазурью боку щерится скол, словно выкроенный кусочек или щербинка между зубами улыбающегося человека. Но это и делает вещи особенными. Среди множества и множества одинаковых тарелок эта – одна-единственная. Та, которую Анна уверенной рукой взяла с полки в гончарной лавке.

Она по обыкновению раскладывает у подоконника обеденный столик – всего-то столешница, прикрепленная к стене, и одинокая ножка под ней, – снимает с холодильника табуретку и, с наслаждением вдохнув свежесть осеннего утра и плывущие над крышей звуки музыки, пронизывающей мир сквозь толщу лет при помощи простой тонкой иглы, наконец принимается за завтрак.

Нет ничего лучше, чем принимать пищу, наблюдая, как покачиваются на ветру деревья над бульваром, как ветер метет листья вдоль тротуара, а те подлетают и опадают, завихряясь желто-рыжим хвостом. Как солнце, яркое и не замутненное ни единым облачком, встает над крышами города, лаская и согревая каждого, кто, как она, подставляет щурящееся лицо под его теплые поцелуи.

И самое любимое ее времяпрепровождение – смотреть на людей. Спешащих ли на работу или праздно шагающих, выгуливающих ли собак, прогуливающих, перекусывающих на ходу свежей выпечкой из булочной на углу, крутящих педали велосипедов, ведущих детей в детский сад – все это дарит ей ощущение тихой, размеренной жизни и счастья. А в такой погожий день каждый замеченный ею горожанин будто сам светится радостью от встречи нового дня, напоенного золотом листьев и солнечным светом.

Анна собирает последние кусочки желтка мякишем белого хлеба и отправляет в рот.

Свой хлеб она печет сама. В старой электрической духовке, нутро которой черно от застарелого жира, но почему-то именно в ней тесто превращается в самый вкусный хлеб из того, что она пробовала.

Теперь черед за чайником.

Он у нее эмалированный. Местами. Должно быть, был когда-то дивно расписан, но сейчас рисунок едва проглядывает сквозь почерневшие пятна. Зато воду кипятит исправно, выпуская прямую, завораживающую тенью на стене струю пара прямо к скошенному, залатанному не единожды потолку.

Вернувшись к столику и патефону с кружкой горячего чая, Анна продолжает смотреть теперь уже поверх крыш домов, куда-то вдаль, пытаясь рассмотреть на синевом небе тайный знак или, может быть, начертанное для нее одной знамение.

Каким будет этот день? Каким – этот год? Какой выйдет ее жизнь?

У неба ответов нет. А значит, и у нее тоже.

Анна прихлебывает, стараясь не обжечься, и ловко переставляет иглу на другую песенку – ту самую, любимую. И пока звучит очередная строчка, она успевает между глотками одними губами подпевать ей.

Взгляд скользит по панораме города, пока не находит в ней единственный изъян. Но весьма заметный. Черную, гляцевую прямоугольную коробку многоэтажного дома, воткнутую нерадивым застройщиком сбоку от их старенького четырехэтажного домишки.

До чужих респектабельных лоджий ей по диагонали рукой подать и, если бы те не были всегда наглухо закрыты и не сверкали бы на солнце тонированным гляцем, возможно, она бы уже свела знакомство с новыми соседями.

А так Анна лишь равнодушно скользит по дому взглядом. Как по монолиту или воздвигнутой в честь безликого триумфа колонне.

Когда с поздним завтраком покончено, она складывает столик, убирает табурет на холодильник, уносит патефон в жилую комнату и закрывает ставни, заперев те на с трудом ходящий в пазу шпингалет.

А затем, оживив перед зеркалом челку и отряхнув от крошек платье, – любимое, коралловое в мелкий рябой цветочек и с белым воротником, – Анна берет ключи, подхватывает с крючка в прихожей сумку и выходит из квартиры, скрипнув на прощанье расстроенной ее уходом дверь.

Вечер

Колокольчик над входной дверью нежно звенит, когда в булочную заходит очередной посетитель.

Анна приветствует Эмиля улыбкой из-за прилавка, укладывая свежий, еще теплый хлеб в бумажный пакет для дамы в бордовом пальто.

Эмиль занимает один из трех столиков. Его спешит обслужить Нора.

За окнами уже стусился сумрак, и вдоль улицы зажглись желтым светом узорчатые фонари. В их свете все становится похожим на картинки из детской книжки.

Эмиль машет ей рукой, когда Нора ставит на его столик чашку горячего шоколада и тарелку с пирогом со шпинатом – как обычно. Друг без слов показывает рукой на стол: мол, не посидишь со мной? Но Анна лишь качает головой с мягкой улыбкой, и он достает книгу и начинает неспешно листать страницы, потягивая то и дело свой напиток.

Ей по душе, когда кто-то из посетителей остается вечером посидеть прямо в булочной. Для этого и были устроены эти три плетёных столика. Просто все так торопятся по домам после работы, что не хватает времени спокойно насладиться местной выпечкой.

А Эмиль иногда остается. Сидит, всегда один, читает, смотрит в окно, мнет в руках ни в чем не повинные листы, когда задумывается. Случается, болтает с ней и Норой, когда нет покупателей. Особенно любит беззастенчиво прихвастнуть, но Анна на это лишь смеется, и Эмиль не обижается.

Он уходит за час до закрытия, вслед за Норой, которой приходится добираться до работы из другого района. Анна с грустью осматривает опустевшее помещение. Хлеба, пирогов и булочек на полках осталось совсем немного.

К закрытию, как обычно, спешат пенсионеры, живущие по соседству, чтобы раскупить остатки со скидкой. Вместе с деньгами они по привычке щедро одаривают ее комплиментами и добрыми пожеланиями.

Закрыв лавочку в девять вечера, Анна ненадолго задерживается под сенью высокого клена. Его покрасневшая вперед всех остальных деревьев на бульваре крона скрывает от нее свет фонаря. И оттого ей кажется, что она попала в необыкновенное рыжее облако, сотканное вокруг нее, чтобы прогнать прочь холод и ночь.

Мимо еще спешат прохожие: кто-то припозднился с работы, кто-то вышел на вечернюю прогулку. Анна торопится успеть к овощной лавке по соседству с булочной – купить себе ягод и послушать, как продавец распекает власти за битые тротуары, а потом в сырную – за головкой мягкого, с белой плесенью сыра.

Мансарда встречает ее протяжным скрипом двери и куда более тонким и оттого кажущимся детским скрипом половиц.

Анна ужинает, сидя с ногами на диване. По телевизору показывают старую мелодраму, и, несмотря на то, что герой с героиней не могут быть вместе, от финала у нее остается ощущение чего-то светлого, неуловимого.

Погасив в доме огни, она перед сном открывает ставни и заглядывается на полную луну. Та повисла над городом, светлая и чистая, яркая, как прожектор. Задумавшись, Анна тянется к патефону и заводит его на той песне, что так пойдет этой ночи, чтобы она летела над крышами, тихая и громкая одновременно.

Так, сидя у окна, положив голову на спинку дивана, она замечает, что сегодня окна соседнего дома не так уж и пусты.

На четвертом этаже, что чуть выше уровня ее мансарды, окна одной из лоджий распахнуты, и Анна видит засмотревшегося на город хмурого мужчину, без рубашки и с копной смоляных волос.

Какое-то время ей кажется, что он всматривается в ее окно, в котором, конечно же, не может ничего различить в темноте проема, но потом понимает, что он ищет источник звука.

Анне делается совестно за свое баловство. Хотя ей не впервой вот так заводить музыку, и никто не жаловался, но она ведь и впрямь может мешать соседям отходить ко сну. Поэтому она протягивает руку и снимает иглу с пластинки.

Песня обрывается на полуслове, и наступившая тишина кажется оглушительней, чем звучавшая до нее мелодия. Мужчина бросает один долгий взгляд на ее окно, будто может рассмотреть ее саму в тени комнаты, но потом переводит взгляд на близстоящие дома и на сам город.

Анна же позволяет себе беззастенчиво, с детским любопытством разглядывать его – её так завораживает его задумчивый вид с тоской во взгляде и покатошь крепких бледных плеч, что эта ночь и эта неожиданная встреча сами собой складываются в причудливую историю.

Что, если он не простой человек...

Анна даже приподнимается на сиденье, чтобы отчетливее видеть загадочного незнакомца. Наверняка он спит днем, а по ночам бодрствует, решает она про себя. Да, так и есть. Недаром ведь она ни разу не видела его днем, а его кожа в свете полной луны кажется мертво-бледной.

Ах, он создание ночи...

Анна откидывается на спинку дивана и беззвучно смеется своим глупым мыслям, закрыв рот ладонью. Потом снова жадно вглядывается в сделавшийся вдруг таким мистическим облик мужчины всего в нескольких десятках метров от ее крыши.

За несколько минут она успевает придумать целую историю о печальном бессмертном принце, что не может появляться на улице при свете дня. Давным-давно на него было наложено заклятие, и теперь он обречен скрываться во тьме. Оттого он такой бледный и отрешенный. А во всем его облике есть странное очарование старины, будто он не принадлежит этому времени.

Думать об этом приятно. Анне нравятся старые вещи. Еще больше нравятся – неидеальные, со своими сколами, царапинами, отпечатками чужих рук, хранящие в себе память прошлого.

А еще приятно забавлять себя праздной мыслью о том, как она, одинокая девушка, никому не известная Анна, вдруг познакомилась бы с ним. Как бы это могло случиться с такой, как она, воображение ей не объясняет – это просто случается.

Да, это было бы настоящее приключение, решает Анна, потом глядит на успевшую опустеть лоджию и хмурится, прогоняя непрошенные мысли. Пора бы ей лечь спать, а то завтра за прилавком она не сможет так искренне улыбаться.

Вечер

Смуглый мужчина с тугими кольцами черных блестящих волос и тонкими чертами лица, засевший в булочной в обед да так и задержавшийся за столиком на добрых два часа, – это Эд, писатель без гроша. Его книги не печатают, его талант не продается. Но Анне нравятся его романы и рассказы, за которые они с Норой платят ему иногда бесплатной выпечкой.

Он выпил одну чашку кофе и съел рогалик, а все остальное время писал. Ручкой по бумаге. Старомодность его стиля заставляет Анну уважать его чуточку сильнее, чем любого другого «художника на мели». А их она успела повидать.

Его пальто заносено, а ботинки явно не годятся для осени, и Анна невольно бросает на него то и дело короткие взгляды, пытаясь разгадать, в каких условиях ему приходится жить и творить. Эти мысли прогоняют улыбку с ее лица, заставляя глядеть на посетителей исподлобья.

Ее напарница непременно бы заметила эту перемену в ней, если бы сама не была так вымотана. С отстраненным лицом и слабой улыбкой Нора обслуживает покупателей. Анна знает, что та опять не выпалась. Девушка живет с сестрой, борющейся с недугом, и все ее свободное время уходит на заботу о больной. «Хоть бы раз выспаться вдосталь!» – как-то пожаловалась она ей.

– А что за грусть-тоска в такой ясный день?

Эд сам убирает за собой посуду, хоть и не обязан. Нора улыбается чуть искреннее и забирает его поднос, Анна же отвечает ему легким кивком головы, раскладывая в корзины на прилавке новую порцию свежей выпечки.

– Прочтешь? – Эд протягивает ей рукопись – стопку листов, прошитую от руки грубой толстой ниткой.

Анна берет ее в руки и пролистывает, наслаждаясь весом плотной бумаги в руках. Она сделает это с удовольствием. Например, завтра, в свой выходной.

– Напиши, что думаешь, на последнем листе.

Эд смущенно благодарит Нору за пакет с выпечкой, который та сует ему на прощание, пока управляющий не вышел в зал, и уходит прочь.

Анна хочет отложить рукопись в сторону, под прилавок, но ее глаза уже зацепились за первое предложение на первой странице:

«В одном далеком-далеком королевстве, за дремучими лесами, за глубокими и чистыми, как небесные колодцы, озерами, за заснеженными пиками крутых гор в своей одинокой, затерянной на нехоженом болоте хижине жила заколдованная дева...»

Анна бы так и продолжала читать, но Нора вовремя напоминает ей об очереди, и она все же прячет рукопись.

Вечером она возвращается домой в приподнятом настроении, испытывая душевный подъем, свойственный приятным переменам в жизни, хотя никаких перемен с ней так и не случилось.

Это по-прежнему она, такая, какая есть, возвращается в свою такую знакомую, такую привычную и такую неизменную, как и весь размеренный уклад жизни на этой улице, мансарду.

Старая мебель, не покидавшая помещение десятилетиями, на месте, все ее маленькие сокровища, составляющие радость жизни, – тоже.

Ничего не изменилось. Хотя что-то неуловимое все же успело прокрасться в дом вместе с ней. Анна еще не может вычислить этого тайного гостя, но уже уверена в его присутствии.

И только когда она садится ужинать у кухонного окна, наблюдая, как над серыми, будто вырезанными из бумаги крышами на фоне рыжей полосы заката сгущаются ранние осенние сумерки, Анна угадывает, что же сегодня не так.

Предвкусение.

Вот что поселилось в ее маленьком жилище. Она ждет позднего вечера, ведь где-то глубоко внутри нее теплится надежда, что она вновь увидит того мужчину, что выходил вчера ночью подышать свежим воздухом.

Время после ужина она проводит в томительном ожидании. Старенький громоздкий телевизор барахлит, но все же показывает все пять своих каналов, но Анна не находит, чем занять себя. Она то и дело бросает взгляды в окно на соседний дом.

С чего она, кстати, взяла, что он покажется?

Время идет, но все лоджии высотки привычно закрыты от посторонних глаз. Тонированное стекло не дает никакой возможности подсмотреть за соседями.

Анна выключает телевизор и остается в темноте. Закусывает в сомнении ноготь большого пальца на руке, а потом выставляет патефон на подоконник и заводит пластинку. Не вчерашнюю, другую. Ту песню, что ей самой хочется сегодня пропеть. Сама же она отодвигается от проема и от лунного света, чтобы остаться незамеченной.

Первые аккорды несутся над крышами, выше, к чистому небу и полной луне. Анна прислоняется к внутренней стороне оконного откоса и, затаившись, глядит на дом, сделавшийся для нее вдруг таким значимым. То, чего она прежде не замечала, теперь занимает все ее мысли.

Мягкий, с хрипотцой голос допевает припев, когда окна на четвертом этаже открываются, и Анна видит того, кто уже успел сделаться причиной ее беспокойства за прошедший день.

Он облокачивается об оконную раму и смотрит на ее окно, на играющий патефон. С такого расстояния она не видит его взгляд отчетливо, но ей кажется, что спустя какое-то время он о чем-то крепко задумывается.

Как задумываются о смысле жизни, о смерти или о собственной судьбе.

Сама же Анна в этот раз представляет его в роли скрывающегося от закона преступника, опасного, но благородного. Кто же он? Похититель антиквариата? Банковский налетчик? Киллер?

Киллер.

Это объясняет его скрытность и замкнутость. Его нелюдимость и его глубокую задумчивость.

Возможно, им вместе пришлось бы пережить многие опасности. Быть преследуемыми его подельниками и полицией и даже бежать из страны.

Пока в ее голове разыгрываются картины тех невероятных, будоражащих кровь приключений, что ждали бы их, пластинка продолжает крутиться, музыка продолжает литься, незнакомец продолжает слушать ее песни...

Но все ее мечтания разбиваются вдребезги и развеиваются высоко над городом, когда с неблагозвучным, царапающим слух звуком пластинка заедает, разрушая гармонию момента.

Мужчина вздрагивает и выпрямляется, стряхивая с себя чары.

Анна торопится унести патефон вглубь мансарды, чтобы все поправить, оставаясь при этом незамеченной: она слишком боится выдать свое маленькое увлечение.

Отведя иглу в сторону и сняв пластинку, она вновь подкрадывается к окну, но в этот раз ее предосторожность оказывается напрасной.

Лоджия наглухо закрыта.

Утро

«Умоляю, ничего не разбей», – повторил Ян, передавая ему ключи от квартиры и встревоженным взглядом обводя апартаменты перед тем, как покинуть те на целых четыре недели.

Марк тогда ему ничего не ответил. Какой смысл?

Если что-то случится, хочет он того или нет, он здесь все разнесет. И тогда уже будет думать, как исправить положение. Прикупить втихаря мебели или, там, просто спалить хату и сбежать, так чтобы не видеть лишний раз недовольной Яновой мины.

«Марк, пожалуйста, держи себя в руках, – сказала ему мать на прощание перед его отлетом. – Мы что-нибудь придумаем. Я дам тебе знать». Но это его отчего-то мало заботило. Хотя должно было бы...

Ян – его бывший однокурсник – проявил, конечно, удивительную для их странной, прохладной дружбы щедрость, позволив поселиться в своей квартире на время своей командировки. Мать настаивала на том, чтобы Марк покинул страну после инцидента с Анваром, так что она всеми правдами и неправдами ухватила за это любезное предложение, от которого сам Марк уже подумывал отказаться.

«Тебе небезопасно оставаться в стране, пока мы с отцом все не уладим», – ее тон был беспрекословен, а он слишком устал спорить. В конце концов, у него не было других вариантов. А то, что он сделал... Что ж, да, ему и впрямь было стыдно, но на извинения перед Анваром не было ни времени, ни желания. В больницу его бы точно не пустили, а полиция могла приехать в любой момент.

Да и еще вся эта ситуация с предвыборной кампанией матери – те несколько часов перед его отлетом они все сидели как на иголках, ожидая наплыва журналистов, но все же он успел исчезнуть из страны до того, как кошмар начался.

Он прилетел ночью; добрался на такси до указанного Яном адреса, настолько вымотанный и опустошенный, что даже не бросил лишнего взгляда в окна везущей его машины. Затем провел несколько часов на жестком диване в гостиной, пытаясь поспать, но все, что ему удалось, – это спутанные размышления о собственной жизни, сетование на преследующие его неудачи, апатия и вялые, неубедительные попытки оправдаться перед самим собой.

Под утро Ян собрался, провел тщательный инструктаж касательно своего жилища и отбыл в неведомые дали. Марк не удосужился поинтересоваться, куда тот отправляется, ему хватило сыпавшихся из приятеля ценных указаний о том, какие параметры выставлять для теплых полов и чем не сметь чистить плитку в ванной. Про себя Марк решил, что если это не ниспосланное ему небесами испытание его выдержки, то что тогда?

Оставшись, наконец-то, в полном одиночестве, он уже не ложится спать. Зубодробительный гундеж Яна возымел эффект. Марк чувствует, как начинает непроизвольно дышать чаще, как его губы приоткрываются, как сжимаются и разжимаются кулаки.

Хорошо. Ему нужно взять себя в руки прежде, чем он пройдет точку невозврата и начнет, например, ломать ложеную обстановку чужой квартиры. Как там мать говорила? Нужно переключить свое внимание.

На этот случай у него все же имеется один способ. Не очень действенный, когда он уже теряет над собой контроль, но вполне пригодный, когда дело касается таких небольших всплесков эмоций.

Марк распаковывает свои вещи, которых у него не так уж и много: всего-то одна сумка и рюкзак. Он не планировал вести здесь насыщенную жизнь, как и часто выходить наружу, – ему достаточно той одежды, в которой он приехал, и второго комплекта.

Со дна дорожной сумки он извлекает коробку с набором для каллиграфии и большую тетрадь на кольцах с листами плотной белой бумаги.

Рабочая поверхность у Яна, благо, имеется – удобный, просторный стол с отличным настольным освещением. Марк располагается за ним, разложив перед собой все необходимые ему принадлежности: баночку с тушью, держатель для пера и несколько перьев.

Он не очень изобретателен в этом, ему просто нравится сам процесс: он успокаивает, дарит чувство подвластности своих эмоций твердой руке, выводящей на бумаге ровные изящные линии. Марк даже не задумывается о том, что писать. У него на этот случай есть старенький, потрепанный сборник стихов, которые он один за другим переписывает.

Так и сейчас он открывает его на заложенной странице и начинает свое нехитрое, но кропотливое дело.

Как чаще всего и бывает, это срывает: Марк успокаивается.

Так проходит предзвездный час, и в квартиру с улицы проливается прохладный утренний свет. Вскоре яркие солнечные лучи уже играют на гладких поверхностях здешней мебели, отражаясь в зеркалах по периметру кухни-гостиной.

Солнце не приносит Марку радости. Скорее, ему хочется спрятаться от него, остаться в темноте, где он мог бы лелеять свою апатию и тоску, но в гостиной такой возможности не предусмотрено: стеклянное покрытие лоджии, тонированное снаружи, ничем не прикрыто внутри.

Марк хмурится, но продолжает пачкать перья и пальцы.

Желудок, пустующий со вчерашнего вечера, судорожно сжимается, призывая наполнить себя хоть какой-нибудь пищей, но Марк упрямо решает дописать все строчки со страницы. Ему кажется, что если он этого не сделает, то весь произведенный занятием эффект сойдет на нет.

Но вот, помимо чувства голода и яркого солнца, отражающегося в зеркале на задней стене и начинающего бить в глаза, кое-что еще решает отвлечь его.

С улицы, несмотря на закрытые окна, слышится музыка. Не так чтобы очень громко, но это потрескивание, раздающееся громче самой мелодии, – будто царапающий нежную изнанку его вымученного сознания скрежет камня по стеклу.

Марк рычит сквозь плотно сжатые губы, резко поднимается – чернильница чуть не падает, но он успевает вовремя вернуть ей равновесие, – и спешит к окнам лоджии.

По его первоначальному плану, тут же оформившемся в мозгу, он открывает окно, предупреждает хозяина исторгающей умирающие звуки техники о том, что он сделает с ним, если попытка музыкой не прекратится, а потом, возможно, и впрямь навещает соседа в гости.

В этот момент он, как обычно, совершенно не думает о последствиях. О том, например, что он как раз и приехал сюда, чтобы сидеть тише воды, пока родители улаживают его проблемы с законом...

Но черт бы побрал этот городишко с его любителями старья и блошиными рынками!

Марк замирает, схватившись за ручку окна, но так и не приводит ее в движение. Потому что он видит источник звука и...

Там девушка.

Он проводит минуту-другую в тупом оцепенении. Первоначальный план припугнуть владельца... – что это у нее там? граммофон? – не срывает. Просто потому, что он уже дал заднюю и весь его пыл куда-то испарился.

Девушка кажется радостной и довольной. Должно быть, у нее сегодня намечается отличный день. Она пьет из кружки перед раскрытым окном, усаженным цветами, и, вроде, даже подпевает песне.

Марк топчется какое-то время перед окнами, испытывая зависть к тем, кто в это утро выглядит так беззаботно, а потом возвращается к своим строчкам.

Вечер

В квартире пахнет недавним ремонтом и освежителем воздуха – чем-то пряным, древесным.

Марк проводит дневные часы лежа на диване, одну руку закинув за голову, другую уронив на грудь, и наблюдая, как граница солнечного света медленно ползет от одной стены к другой.

Он думал подремать, но сон не идет.

Вместо этого на ум приходят безрадостные мысли. Например, о том, придется ли ему обращаться к специалистам.

Еще в отрочестве он слышал все эти встревоженные разговоры родителей за стенкой о том, что ему нужна помощь, что он не сможет нормально социализироваться.

Тогда он с неохотой посещал психолога, с которым отчаянно не хотел делиться своими подростковыми переживаниями.

Потом были колледж, университет, совершеннолетие, и он уж было подумал, что вместе с родительской опекой избавился и от их навязчивой идеи о своей неспособности подавлять гнев, но, как показала ему взрослая жизнь, проблема никуда не исчезла.

Его чуть было не отчислили, но благодаря связям матери инцидент с дракой в кампусе был улажен.

Но все это оказалось цветочками, потому что после началась работа.

Он... он совершенно не понимает, как общаться с людьми.

Марк беспомощно сжимает кулак на груди, а затем расправляет кисть до болезненного напряжения в пальцах, будто старается избавиться от тактильных воспоминаний.

И ведь он не считает себя плохим человеком. Ведь так?

Тогда зачем же он накинулся на своего ни в чем не повинного коллегу? Зачем пустил в ход кулаки там, где нужно было использовать слова?

Марк до сих пор испытывает жгучий стыд, который пытается подавить всеми силами, и в то же время злость, потому что теперь весь мир словно принуждает его прятаться и каяться, а он противится подобному давлению. Он и сам себя достаточно наказывает.

Однако все эти мысли существуют где-то на задворках его сознания. Слишком отстраненно он размышляет о своей непростой ситуации, будто она приключилась не с ним лично, а с кем-то другим. Будто он может вот так подумать обо всем этом час-другой, а потом просто встать и жить как ни в чем не бывало.

Это один большой самообман.

После обеда ему звонит отец. Марк отвечает односложно, кладет трубку не попрощавшись. На звонок матери не отвечает вовсе.

После обеда он все же выходит наружу и вдруг замечает, что в мире всюду царствует осень, – и где раньше были его глаза? Листья уже играют красками, воздух сделался прозрачным и холодным, а небо – чистым, синим.

Он с трудом находит в квартале супермаркет, магазин с узкими проходами и полками, ввиду отсутствия лишнего свободного места, забитыми товарами.

Марк плохо гармонирует со здешними пространствами – одним неловким движением плеч в отделе с посудой он смахивает несколько кружек, и те разбиваются о кафельный пол.

Он не понимает, какого черта здесь все так устроено, и едва сдерживается, чтобы не расколотить остальную керамическую утварь. За разбитые кружки ему приходится заплатить, но, покинув магазин, он все же испытывает мрачное довольство собой и мысленно хвалит себя за то, что сумел подавить вспышку гнева.

Свое затворничество он скрашивает просмотром глупого, но зрелищного сериала. Хотя по большей части он смотрит его просто для того, чтобы не сидеть в тишине и одиночестве и не есть себя поедом.

Посмотрев несколько серий и растерев уставшие от огромной яркой картинки Янового домашнего кинотеатра глаза, Марк выключает телевизор, очутившись вдруг в темноте. Оказывается, солнце уже давно село, и он не заметил, как день сменился ночью.

Подумав немного, он все же проверяет телефон, похороненный еще днем где-то между подушками дивана. Его ждут лишь сообщения с работы.

Конечно, было безответственно так исчезать, но он все же успел позвонить в кадры и оформить неоплачиваемый отпуск.

Вообще-то он взял с собой ноутбук – мог бы работать удаленно. Но он не может, просто не может вытащить себя из того колодца безучастности, в который рухнул, наконец-то осознав, что все, что твердили ему родители с детства, – правда: он себя не контролирует. Его жизнь, его эмоции ему неподвластны.

Марк снова закидывает телефон подальше в подушки, причесывает пятерней волосы и тяжело вздыхает. В тишине и темноте выходит особо горестно. Даже обреченно.

Он оказывается настолько глубоко погруженным в размышления, что не сразу понимает, что уже некоторое время его слух различает доносящиеся с улицы звуки музыки.

Марк выпрямляется и оглядывается на окна лоджии. Она вся залита лунным светом, будто священное место, к которому он непременно должен приблизиться. А ему вдруг нестерпимо хочется глотнуть свежего воздуха, почувствовать ночную осеннюю прохладу на коже.

Он выходит как есть, в одних лишь домашних штанах, хоть ему и делается зябко, когда в открытое окно залетает холодный ветерок. Но зато какое наслаждение – вдыхать сделавшиеся благодаря этому холоду такими острыми запахи: сладость увядающей листвы, терпкость опавших на тротуар переспевших диких груш и далекие отголоски грядущих заморозков.

Марк облокачивается на раму и невольно находит глазами окно, из которого доносится музыка. Оно соседствует с тем, у которого утром он видел девушку. Теперь его мысли плавно текут в одном направлении.

Интересно, это она же? Кто знает, вдруг здесь это в порядке вещей и каждый время от времени слушает старые пластинки у раскрытого настежь окна?

И если это она, то почему не зажжет свет? На самом деле, не настолько его интересует причина – он просто сетует на то, что не видит ничего в темноте крошечного по меркам современного жилья оконного проема мансарды.

Она живет одна?

В этот момент музыка обрывается. Резко, словно не имея на то причины или же права. Он хмурится. Ему не нравится эта тишина. Она противоестественна.

Наверное, это глупо, но ему казалось, что звучавшая песня прокладывала невидимую дорожку между их домами. Как призрачная связь. А теперь это просто пустое темное окно.

Волшебство закончилось, и он отводит взгляд прочь. Долго разглядывает крыши города.

Только сейчас он замечает, что дом, ставший его временным пристанищем, совсем не годится для этого места. Он чужероден старой застройке. Воткнут как черный глянцевый монолит посреди плохоньких на вид, но хранящих очарование старины, разномастных, словно украшенных многочисленными печными трубами и антеннами, домиков.

Марк чувствует себя под стать этой многоэтажке. Ему тут тоже не место.

Утвердившись в этой мысли, он запирает окно и отправляется спать.

Вечер-утро

Он не шпионит.

Марк пьет свой утренний кофе, притаившись за непроницаемыми для посторонних взглядов окнами, и которую минуту уже смотрит на девушку, завтракающую, несмотря на почти морозную свежесть осеннего утра, перед распахнутым окном, что, как ему теперь кажется, является для нее привычным делом. По крайней мере, до наступления холодов.

Он сам себе не отдает отчета в том, что делает, но, как только утром послышалось знакомое уже потрескивание поперек льющейся над бульваром песни, Марк поспешил к окнам лоджии.

Поначалу мелькнула у него мысль открыть окно и, быть может, запросто познакомиться с ней, отсалютовав друг другу кружками.

Вот только это не о нем. Ничего не дается ему запросто: он не тот парень, который может с легкостью завести ненавязчивое знакомство, подойти к девушке и спросить, будто между делом, чем она занимается на выходных, и пригласить, например, в кино.

Нет. Он из тех, из других. Кто будет прятаться за тонированным стеклом и подглядывать, каким бы беспросветно тупым решением ему это ни казалось. Кто пройдет мимо с каменным лицом, даже если судьба сведет его с ней в самой непринужденной обстановке. Кто вместо беззаботного замечания о погоде, в конце концов, ляпнет обескураживающую глупость, после которой им будет неловко смотреть друг другу в глаза.

Да, вот это про него. Так чего же отклоняться от привычного хода вещей?

К тому же Марк и не собирается с ней знакомиться. Он здесь ненадолго. И... к чему ей эти проблемы?

Его последние отношения, как всегда, печальные и скоротечные, закончились ссорой в баре, погромом и вызовом полиции.

А эта девушка выглядит вполне счастливой. Симпатичной. У нее широкая красивая улыбка и выющиеся волосы. Возможно, она старье собирает. А он еще что-нибудь сломает у нее, чего не сможет потом купить.

Марк поджигает губы и качает головой, сам не понимая, как зашел мыслями так далеко, что уже сам себя пригласил в ее дом.

Однако... однако все ж ему любопытно. И это ощущение, после нескольких дней беспросветного равнодушия ко всему, дарит ему чувство легкой окрыленности.

Она заканчивает завтрак и исчезает из поля его зрения, прикрыв перед тем ставни.

Весь день Марк мается от безделья. После обеда все же решает поработать. Отсылает проделанную часть работы, чувствуя себя на порядок лучше: хоть какое-то дело. От мыслей о прогулке он поначалу отказывается, но все же после ужина устраивает себе вылазку.

Он бестолково ходит вдоль улицы, сунув руки в карманы куртки и заглядывая в окна всевозможных магазинчиков: от павильона с шоколадом со всего света до лавки с цветочными горшками ручной работы, но никуда не заходит – не хочет привлекать к себе внимание дружелюбных продавцов.

Этот город точно его недолюбливает. Узкие мощеные тротуары не дают ему ни неспешно пройти, ни развернуться, не помешав при этом другим пешеходам, а их тут по вечерам, оказывается, порядочно. Он чувствует себя неповоротливым бревном в веселом обмельчавшем горном ручье.

На углу улицы Марк обнаруживает булочную. Ее запахи дразнят обоняние, но он не смеет зайти. Сквозь незашторенные окна виднеется плотная очередь перед прилавком – это его и отталкивает. Он высокий, плечистый; в таких небольших помещениях все взгляды на какое-

то время неизбежно обращаются к нему, и перспектива стоять под прицелом нежелательного внимания, прижатым к другим страждущим, его совсем не прельщает.

Марк возвращается в квартиру ни с чем.

Но теперь всё вовсе не так беспросветно, как было еще вчера. Он не понимает причины своего душевного подъема. Ни когда перекусывает перед телевизором, ни когда вновь берется за строчки – больше от безделья, – ни когда подумывает отправиться спать.

Понимание приходит к нему, лишь когда он различает уже ставшие привычными звуки проигрывающейся пластинки. Марк торопится на лоджию и с чуть заходящимся сердцем открывает окно и выглядывает...

Чтобы вновь увидеть лишь темнеющий оконный проем и открытый ящик на подоконнике, из которого и звучит незатейливая, будто шутивая песенка об обыденности жизни и об этом городе. Но никто не показывается ему, и это вызывает досаду.

С чего-то он успел придумать себе, что она знает о его появлении. Но ведь может так статься, что он просто наблюдает за чужой жизнью. И это никакой не диалог.

Наверное, она даже не догадывается о том, что кто-то ждет, когда она заведет в очередной раз пластинку.

Под неспешное пение он начинает задумываться о том, кто она такая.

Он видел ее дважды. Девушка казалась ему довольной своей жизнью. Насколько он вообще мог об этом судить. Наверное, работает где-то неподалеку. Возможно, в одной из тех лавочек, что он видел вечером на улице.

Внезапно эта мысль оказывается очень волнующей, стоит ему только представить, что он мог встретиться с ней сегодня лицом к лицу. Она-то бы и не поняла, кто он такой, зато сам Марк мог бы увидеть ее вблизи, возможно, поздороваться и попросить помочь ему... – с чем там? – с выбором горшка, например.

Даже в его мыслях выходит убого. Но он с легкостью может представить, как она улыбнулась бы ему в ответ, – он уже видел ее яркую белозубую улыбку, – как любому другому покупателю, и как заговорила бы. В его воображении ее голос похож на тот, что пел сквозь громкое потрескивание в его первое утро здесь: мягкий, но живой, чуть осипший и певучий.

И тут пластинка заедает. Это действует отрезвляюще. Марк выпрямляется и вновь пристально вглядывается в окно соседнего дома: он только что заметил движение рук, подхватывающих короб с подоконника и уносящих его вглубь мансарды.

Марк даже прищуривается, но ничего больше не может различить, а музыка тем временем вовсе смолкает.

Он еще медлит несколько мгновений, с волнением всматриваясь в темноту и прислушиваясь к тишине, но потом начинает чувствовать себя глупо. Закрывает окно и покидает лоджию.

Следующее утро он проводит в смятении. Он встал чуть свет, оделся, умылся, побрился, приготовил себе завтрак, но беспокойство никуда не девается. Он знает, чем вызвано это состояние, но не может понять, оправданно ли оно. И лишь когда оживает поблизости успешная статья добрым знаком музыка, понимает, что да – вполне оправданно.

Потому что на этот раз Марк направляется на лоджию и несмелой рукой отворяет окно, чтобы перестать прятаться.

Он одет в толстовку, и у него с собой кружка с кофе – как прикрытие.

Он хотел просто постоять, глядя в первую очередь на город и уж только потом на нее. Но его взгляд, против всех его намерений, приклеивается к ее окну в обрамлении ярких осенних цветов. Она присела на подоконник около крутящего пластинку ящика, у нее тоже есть кружка – и тут она обескураживающе улыбается и машет ему.

Марк вздрагивает, ведь все, на что он надеялся, – это просто встретиться с ней взглядами. Возможно, им понадобилась бы целая вечность, чтобы начать сдержанно кивать друг другу,

когда они вот так виделись бы по утрам. Но вот она улыбается и машет ему, словно хорошему знакомому.

Марк даже бросает короткие взгляды по обе стороны от себя – вдруг это приветствие адресовано другим лоджиям? – но оказывается единственным высунувшимся наружу.

А потом он и сам улыбается ей. Выходит вымученно и не так дружелюбно, как ему на самом деле хотелось бы, и он приподнимает руку, чтобы коротко махнуть в ответ.

Девушка поднимает в ответ свою кружку, приветствуя его, и он, расслабившись наконец, делает то же самое.

Дни

В буднях его добровольной ссылки появляется смысл.

Марк не понимает, к чему ему эта игра, но она его забавляет.

Правила простые.

Утром она завтракает, музыка играет, и он не заставляет себя долго ждать. Делает вид, что это просто часть его дня, такой же ритуал, как и для нее. Они по-соседски улыбаются друг другу, кивают и поднимают кружки. А после следуют взгляды украдкой, которые Марк все силится разгадать.

Значат ли они, что он может спуститься на улицу к тому времени, как она соберется выходить на работу? Или просто зайти к ней однажды вечером и позвать поужинать?

Вообще, он предпочел бы не выходить вдвоем на люди первое время. Он чувствует себя не лучшим образом, если пытается понравиться кому-то и при этом старается вести себя нормально в общественных местах.

Хотя о чем это он? Скоро мать позвонит ему, скажет, что дело улажено, и он купит билет на самолет. А ключи от квартиры оставит у консьержки – такая была договоренность с Яном. Так о каком «первом времени» идет речь?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.